

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Все материалы предоставлены сообществом
ВКонтакте «Злой медик»

Злой Медик
3-68 Медик. Хороший, плохой, злой. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Научно-популярная медицина).

ISBN 978-5-17-110151-0.

«Гиппократ умер за наши грехи!»
Самое популярное сообщество в Интернете для тех, кто любит черный юмор врачей.

Нас уже миллионы!

Только реальные истории, которые врачи рассказывают только друг другу.

Только жесть.

ЭТО читают в метро! ЭТО читают в офисе! ЭТО — ЗЛОЙ МЕДИК!

Мне страшно выходить из кабинета во время приема, они же набрасываются толпой, а я-то по*ать пытаюсь выйти!!! Слава богу, туалет пососедству с нашим кабинетом — видят, что ухожу явно не чай пить. Но некоторые сопровождают аж до толчка, еще и спрашивают: — Вы надолго? Навсегда, блин!

Плохо себя почувствовал. Позвонил на скорую. Ответила девушка с няшным голосом. Побоялся заговорить с ней. Умер.

Почти каждое дежурство «больные» с садовыми градусниками, колпачками от дезодорантов, бутылками, стаканами и ручкой от вантуса в заднице. Людiiiiии! Вам что, совсем делать нефиг?

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110151-0.

© 000 «Издательство АСТ»

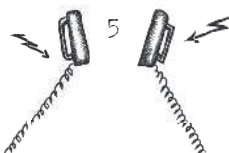
Вместо эпиграфа

День медработника! Министерства, академики, депутаты, главные врачи и особо уважаемые пациенты поговорят о наших героических буднях, о том как, несмотря ни на что, мы идем вперед, развиваем, внедряем, сокращаем сроки пребывания, удачно лечим, быстро диагностируем и вообще, экономим.

Широкие народные массы узнают о нашем празднике из новостей. Это будет выходной. Выходной не потому, что день медработника, а потому, что день медработника назначается на воскресенье. Особых гуляний и радостей не будет, — очень мало положительных эмоций вызывает наш праздник у простого человека, не имеющего отношения к медицине, но имеющего возможность с ней соприкоснуться.

Но мы отметим это уж точно!

Во вторник вечером вся страна будет смотреть сериал про «Скорую помощь». Мы увидим настоящую медицину: мудрых и самоотверженных врачей, до-

брых и трудолюбивых медсестер, каторжный труд героев-медиков на благо простых людей, не наших людей — американских. Это другая страна, другие люди, другая медицина. Там не вручают почетных грамот, не вешают на доску почета, там никогда не было переходящих красных знамен и победителей соцсоревнования, там нет даже заслуженных врачей США!

Мы услышим удивительный диалог. Подросток-негритенок спрашивает у медсестры:

— Сколько получают эти врачи?

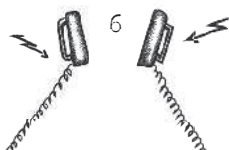
— 30 тысяч в год.

— И все?!

Действительно, подвиг! Без дня медицинского работника, без поощрений, за нищенскую зарплату, теснясь вдвоем в пятикомнатных квартирках, работать и учиться, учиться и работать, без конца сдавать экзамены, крутиться, ругаться с начальством, биться за место под солнцем. А что взамен? Жалкие две недели на яхте? Слетать на выходные в Альпы покататься на лыжах? Подумаешь... А одна машина на двоих — это разве нормально?

И все телезрители, волнуясь и сопереживая, будут невольно сравнивать их и нас, их медицину и нашу медицину. И мы, медики, прекрасно знаем, в чью пользу будет это сравнение. Они лучше, они больше могут, больше знают, больше умеют.

Они лучше!

Но так будут думать все, кроме нас, все, кто не из нашей медицинской песочницы. Уж мы-то себе цену знаем.

Опять звуки из телевизора:

— Больной возбужден, падает уровень кислорода...

— Снимок грудной клетки, газы крови, токсикологический анализ, консультация психиатра и быстро вызовите кого-нибудь из ортопедии...

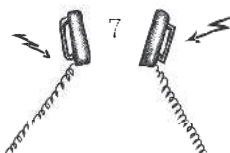
— Падает уровень кислорода...

— Подключайте аппарат искусственного дыхания...

— Срочно в вену раствор декстрозы...

Снимок грудной клетки? А он внес деньги за рентгеновскую пленку? Газы крови! Только не смешите, пожалуйста, наш газовый анализатор сломался четыре года назад, а декстрозу мы вообще в глаза не видели, и ортопеды прямо разбежались к вам сюда быстренько нести, согласуйте сначала с главным. И вообще, поторопитесь, в восемь могут выключить свет. А за эти ваши указания по поводу токсикологического анализа можно и схлопотать...

Эх, как бы я хотел взять с собою на обход какого-нибудь самого-пресамого американского доктора! Пусть бы он попробовал! А потом бы я с ним по американской больничке прогулялся. Это что ж за наука, ихняя медицина, это что ж за врачи такие, что шагу не могут ступить без десятков анализов, без рентгена с ног до головы, без компьютерных томографов, без

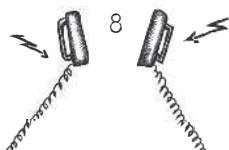
консультантов (это доктор Смит, ведущий специалист по указательному пальцу левой ноги...).

Вот бы было интересно, если бы во всех случаях, когда наш больной посылает куда подальше нашего врача, мы бы срочно вызывали психиатра.

Ребята, коллеги, друзья! У нас праздник, и мы точно знаем — мы лучше!

Мы сохранили настоящую медицину, медицину, которая осталась искусством. Мы бесконечно далеки от мировых достижений, нам не знакомы даже названия тех аппаратов и тех исследований, что проводят они в своих самых захудалых больницах. Но без всех этих новомодных штучек мы умеем спасать, мы заглянем в глаза, мы поставим диагноз сердцем, интуицией и чем-то, что от Бога, и диагноз этот будет правильным. И мы будем лечить тем, что еще осталось, или тем, что он еще в состоянии себе купить, и это будет не самое лучшее и не самое качественное лечение. Но мы вылечим, обязательно вылечим, мы ведь лечим иначе, и диагнозы мы ставим иначе.

Уметь рисовать и быть художником — разные вещи. Закончить медицинский институт и стать врачом — не одно и то же. Но это только у нас так. За морем житье не худо и огромные средства превратили медицину в техническую специальность: высочайшая оснащенность клиник и высочайший уровень обследования заметно упростили процесс принятия любых решений — и диагностических, и терапевтических, и организационных. Не надо умничать! Ре-

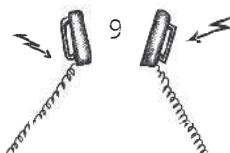

зультаты обследования свидетельствуют о том, что... Вот вам и диагноз. А лечить эту болезнь следует так: а..., б..., в... Остается лишь получить диплом и добросовестно следовать инструкциям.

Но у нас все иначе. Какая там наука, какая там техника! Искусство, искусство и еще раз искусство. Все держится на личности, личности Врача. Врача-волшебника, мастера, который чувствует, угадывает, лечит и вылечивает.

Так было и так есть. И, отдавая себе в этом отчет, руководство нашей страны в течение многих десятилетий уделяло самое пристальное внимание подготовке медицинских кадров. Ох, и много же нас выпустили-наподготовили. Но не было другого выхода. Диплом получали 100, а работать Врачом могли 10. Работали все 100, но могли 10. И в этом не было ничего страшного, поскольку система была организована просто замечательно. Огромное число должностей требовало диплома о высшем медицинском образовании, но позволяло никого не лечить и никому не ставить диагнозы. Зато эти должности позволяли, во-первых, учить, как надо лечить и, во-вторых, решать, определять и вообще руководить.

А на одном хорошем хирурге прекрасно держится целое хирургическое отделение районной больницы, но по штату их там десять и все получают одинаково, и все трудоустроены. А одного толкового лекаря-диагноста с головой хватит на обычную поликлинику: в сложных случаях он поможет, а с несложными

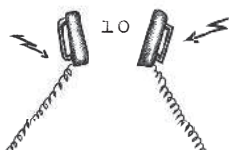

мы и сами... Да и зарплаты побольше он не требует — скромный такой мужичонка попался.

Грянула перестройка, и на всех денег стало не хватать. Но ведь с точки зрения системы хороший врач — это врач, у которого в порядке медицинская документация. А лечить, тем более хорошо лечить, и одновременно поддерживать в должном порядке напридуманную специалистами-организаторами документацию не получается. Так что мы всегда сможет сократить нужное количество бездельников, которые не то что лечить, а даже написать толком не могут.

Все будет хорошо! Мы уже наводим порядок! Мы уже сократили, закрыли, реорганизовали, мы уже доказали, что дома лечить легче и дешевле, чем в больнице! У нас растут показатели, мы сэкономили, улучшили на благо народа!

И вообще мы, медики, сами во всех своих бедах виноваты, не умеем лечить экономно, тратим деньги направо и налево, на всякие глупости — на лекарства, на еду, на ремонт, на зарплату. Даже наш министр, вспомнить бы только какой по счету, сказал, кстати, в интервью газете «Мое здоровье» приблизительно следующую мудрую фразу: «Я убежден, что выделенных правительством средств нам хватило бы, если бы мы умели ими правильно распоряжаться». Вот какие у нас министры хорошие, самокритичные и находчивые — видно без этих качеств министром не стать. Английским и немецким министрам не хватает, а нашему хватило бы...

Ничего, мы уже придумали новый способ навести порядок. Называется он «аккредитация медицинских учреждений». Сотни тысяч медиков по всей стране с утра до ночи готовятся встречать комиссию по аккредитации. На личные деньги покупаются красивые папочки, туда укладываются сотни всевозможных документов... Какие больные? Какие диагнозы? Пишем, печатаем, готовимся, приводим в порядок. Ждем-с... Комиссия! Как принять, чем угостить, чтоб не обиделись. Не аттестуют, сократят, уволят, пустят по миру... Дома дети. Они еще гордятся тем, что мама врач. Голодные, но гордые. Вот сократят маму, тогда как? Так что потерпите вы, с вашей колбасой, маме еще двенадцать папочек осталось купить, заплатить за ксерокс и сдать в фонд главного врача на встречу комиссии.

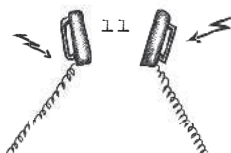
Ребята, мы прорвемся! Мы выживем. Все у нас будет нормально. Там наверху кипит жизнь. Как часовые у мавзоля гордо и периодически сменяются министры. Идут реформы. Иногда нам выделяют средства.

Здесь у нас внизу больные люди, слезы и страдания. Мы им поможем, обязательно поможем, мы ведь это умеем.

Мы умеем назначать лечение не по правилам, а по возможностям пациента.

Мы знаем, какое лекарство дешевле и где его можно купить.

Мы ограничены в получении информации, в складчину выписываем 2 журнала на больницу, не имеем

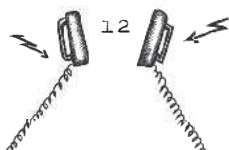
возможности покупать специальную литературу и застенчиво улыбаемся, услышав слово «интернет».

Мы не обижаемся на больного, который не выполняет наши назначения. Мы ведь бесплатные. Интересно, а там, за бугром, может кому-нибудь прийти в голову заплатить доктору, а потом не делать того, что доктор тебе назначил?

Мы уже почти перестали обижаться. Без толку. Мы привыкли к тому, что во всех людских болезнях и страданиях именно мы и будем виноваты. А как же иначе? Ведь это именно мы не выполняем обещаний, которые дали там, наверху.

Мы живем в тревожном ожидании реформ и перемен. За последние 10 лет еще ни одна реформа не сделала нашу работу легче, лучше и эффективнее. Мы боимся реформ, но мы уже привыкли к переменам со знаком минус. Хорошее дело привычка — с годами интенсивность опасений уменьшается, мы вытягиваемся в перемены, становимся спокойнее и уже не так дергаемся, как раньше.

Мы как все, как весь наш народ. Ну и что с того, что медики? Мы можем и обои поклеить, и на наших кровных шести сотках поднять такой урожай картошки, что буржуям не снилось, а еще мы вяжем, печем торты, растим детей, спокойно обходимся городским транспортом. И стиркой овладели в совершенстве, без всяких машин-автоматов — на работе тренируемся — прачечной зарплату не дали, так они взяли

моду бастовать, на радостях, что им по закону можно, а нам по тому же закону нельзя. И здесь привилегии!

Но мы продолжаем ждать и надеяться. Некоторые наши даже ухитряются делать супероперации, придумывать новые лекарства, писать книги и защищать диссертации. Мы делаем свое дело — очень нужное, ответственное, часто неблагодарное. Мы терпеливо ждем, мы уверены, что в один прекрасный день что-то действительно изменится к лучшему.

И мы дождемся, обязательно дождемся! Все будет хорошо. Мы заслужили это.

А наше молчаливое терпение, нелегкий и незаметный труд, растраченное здоровье, никудашные нервы и бессонные ночи — все это нам зачтется!

Мы не стали технической специальностью, мы вместе с нашим народом, живем его жизнью, его радостями, его проблемами.

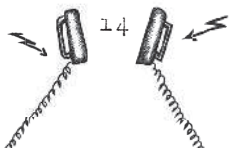
Мы действительно оставили медицину искусством. Не от хорошей жизни оставили. По бедности своей.

* * *

Идеальная медицинская сестра должна быть такой: Абсолютно лысая. Везде. В прямом смысле. Волос не должно быть совершенно! Даже в носу. Тем более в интимных местах. Никаких бровей и ресниц. Никакого пушка на руках и ногах. Можно удалить все волосяные фолликулы вместе с глубокими слоями кожи. Сформировавшийся келлоидный рубец всей поверхности тела гарантирует пожизненное отсутствие волосяного покрова. Следующий этап — удаление ворсинчатого эпителия легких и кишечника.

Ногти должны быть купированы вместе с ногтевой матрицей еще при поступлении в колледж.

Никакой косметики и украшений. Из парфюма — только естественный аромат тела. Мыться можно только с 72% хозяйственным мылом в дистиллированной воде, вытираться салфетками с дезсредствами. Месячные на территории больницы категорически

запрещаются, как и физиологические отправления. Недопустимо выделение слезной жидкости и слюны.

Дыхание — только через респиратор и не чаще 1–2 вдохов в минуту, для минимального осеменения священного воздуха отделения собственной микрофлорой. Для уменьшения количества этой микрофлоры — постоянный ежедневный прием антибиотиков последнего поколения.

Походка бесшумная, на полусогнутых нижних конечностях. Постоянная готовность упасть на колени перед главной медсестрой и любого ранга проверяющими.

На лице — счастливая улыбка, в глазах — радостная покорность, голос — тихий, интонация — умоляющая.

Форма одежды — какая прикажут. В основном это что-то белое, с пододетым под него чем-то белым, от нижних век до кончиков пальцев всех конечностей.

Идеальная медсестра не должна иметь никаких знаний непосредственно медицины, но в совершенстве обязана знать устройство, технические характеристики и режим работы кварцевой лампы, дезара и холодильника для хранения лекарственных средств. Должна безупречно до миллилитра и тысячной доли процента разводить дезсредства. Строго до десятой доли секунды делать записи во всех журналах отчетности красивым каллиграфическим почерком.

Оформить, наконец, и скрупулезно заполнять журнал учета журналов. Обводить крестики (ставить чер-

